

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.2:801.73(048)

Бухаркин Петр Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
p_bukharkin@hotmail.com

МИР УКРАИНСКОГО БАРОККО

Рецензия на кн.: Игорь (Ісиченко), архиепископ. *Духовні виміри барокового тексту: Літературознавчі дослідження*. Харків: Акта, 2016. 592 с.

Эпоха барокко является едва ли не самым ярким этапом в истории украинской словесности. Ее эхо долго звучало на путях украинского слова; более того, звучит оно и поныне; к тому же рецепция западнорусского (т. е. украинско-белорусского) барокко в самых существенных моментах определила и развитие великорусской (т. е. собственно русской в современном смысле) литературы. Вполне естественно, что данный период неизменно привлекал внимание филологов; имея в виду только последние полвека — в широком хронологическом понимании современный период — можно назвать (нисколько не претендуя на представительную полноту) Л. И. Сазонову и в особенности Л. А. Софронову из русских ученых, или же Р. Лужного, Дж. Борджи-Беркофф, П. Левин, В. Кролля из западных славистов; перечень же — даже случайный и фрагментарный — украинских исследователей окажется более чем внушительным: М. Сулима, В. Крекотень, В. Маслюк, Л. Ушкалов, Б. Криса, О. Мишанич, А. Макаров и другие. И все же многие явления украинского барокко в литературе требуют нового к себе обращения; в известной мере в осмыслении с позиций современных аналитических перспектив и исследовательских ракурсов нуждается и «свет украинского барокко»¹ в целом. Как раз подобная цель и поставлена арх. Игорем (Исиченко) в его книге «Духовные измерения барочного текста».

Книга эта, изданная в год шестидесятилетия ее автора, объединяет статьи весьма различные, написанные на протяжении тридцати лет и посвященные достаточно несхожим между собой культурным феноменам и научным проблемам. И тем не менее она отмечена несомненной внутренней цельностью; ее композиция, не лишенная сложности и даже определенной манерности (свойственной многим ответвлениям барочного искусства), одновременно с этим вовсе не чужда прозрачной ясности; стоит обратить внимание на то, что оппозиция подобного рода присуща и объекту данной книги — искусству барокко; о переключках между рецензируемым филологическим трудом и его предметом, переключках, затрагивающих и образ автора, отчетливо проступающий в созданных им, и высокоученых, текстах, пойдет речь ниже — это очень приметная и симпатичная черта «Духовных измерений барочного текста».

Включенные в нее работы объединены в шесть разделов: «Механизмы создания текста», «Текст как феномен мистического диалога», «Текст как феномен полемического диалога», «По-

¹ Такое название — «Світло українського бароко» — дал своей имевшей немалый резонанс книге Анатолий Макаров (Киев, 1994).

этика текста», «Литературные тенденции», «Барочный текст в современном дискурсе». Уже их названия указывают на одну из особенностей, определяющих ход всего исследования: в его центре почти всегда оказывается художественный текст. Автор стремится раскрыть духовно-интеллектуальные (в ряде случаев — и социально-политические) интенции барочного мировидения и выражающего его стиля через разбор конкретных произведений; общие закономерности он старается преломить словесной фактурой единичного культурного факта. И это придает как анализу, так и вытекающим из него выводам убедительность филологического толка. Внимательный читатель С. С. Аверинцева (на что указывают, в частности, ссылки на его труды в более ранних сочинениях арх. Игоря, например в монографии «„Киево-Печерский патерик“ в литературном процессе конца XVI — начала XVIII в. в Украине» (1990; 2-е изд. — 2015)), арх. Игорь в целом следует за аверинцевским пониманием исходной точки любого филологического исследования, если оно истинно филологическое.

«Ограничив себя текстом, сосредоточившись на нем, создавая к нему служебный “комментарий”... и в этих “примечаниях” слиясь “приметить” все больше и больше непримечаемого поверхностным взглядом, Филология лишь ценой такого самоограничения обретает право и обязанность последовательно вбирать в свой кругозор “всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного” (Usener H. *Philologie und Geschichtswissenschaft // Vorträge und Aufsätze*. Leipzig; Berlin, 1907. S. 26). Ей принадлежит весь человеческий мир, но мир, организованный вокруг текста и увиденный через текст»².

Последнее — «увиденный через текст» — наиболее важно: как раз через текст — добавлю — познаваемый только с учетом его поэтики — арх. Игорь (Исиченко) и стремится раскрыть духовные параметры барочной эпохи. Здесь, кстати сказать, возникает и еще одна параллель — но уже с другим, тоже ценным арх. Игорем, русским ученым — с Л. А. Софроновой³, вовсе не случайно назвавшей свой итоговый сборник «Культура сквозь призму поэтики» (М., 2006).

Конечно, не во всех частях его книги подобный текстоцентризм доминирует; и все же именно он определяет ее основной пафос: общее филолог-богослов раскрывает с учетом не просто частного, но и единичного. Тем самым умозрительные, отвлеченные его построения облекаются в *слово*, а метафорически выражаясь — в плоть и кровь. И это придает построениям рецензируемой книги особую весомость.

Такова первая особенность «Духовных измерений барочного текста», интегрирующая вошедшие в нее статьи в книгу. Вторая черта, направленная на решение той же задачи, расположена в несколько иной плоскости: исходя из микрокосма барочного мира, арх. Игорь (Исиченко) неизменно включает его в макрокосм — отдельные произведения, из множества которых и складывается для него литература барокко, не существуют для ученого вне контекста разнородных интеллектуально-духовных движений эпохи, из которых определяющими являются религиозно-церковные. Достаточно назвать лишь некоторые из статей-глав, взятые притом из разных разделов: «Мистическая перспектива литературного текста в культуре украинского барокко», «Сакраментальные измерения барочного дискурса», «Восточная аскеза и барочный текст: опыт Могилянского Киева», «Опыт христианской святости в украинской барочной сюжетике», «Сакральное пространство „Сада божественных песен“ Тригория Сквороды»; это перечисление легко можно было бы продолжить. Особенное внимание именно к церковной основе украинской литературной культуры раннего Нового времени является второй центростремительной стратегией рецензируемой книги.

Несомненно, в подобном аспекте украинская барочная словесность анализировалась и прежде, но, во-первых, это не делалось так фронтально, можно даже сказать — так подчер-

² Аверинцев С. С. *Филология // Аверинцев С. С. София — Логос: словарь*. Киев, 2006. С. 452–453.

³ В предисловии ко 2-му изданию монографии о рецепции «Киево-Печерского патерика» барочной культурой XVII–XVIII вв. арх. Игорь упоминает имя Л. А. Софроновой в сугубо положительном контексте. См.: *Игорь (Исиченко), арх. Киево-Печерский патерик у літературному процесі кінця XVI — початку XVIII ст. в Україні*. 2-е вид. Харків, 2015. С. 8.

кнуто, а во-вторых, арх. Игорь (Исиченко) подходит к церковным проблемам литературной истории как с учетом тех новаций, которыми в последнее время отмечены общеисторические, церковно-исторические и богословские подходы к данной теме, так и видя эти проблемы в иных перспективах, чем их обычно видели ранее. Благодаря этому ему удается решить многие вопросы по-новому и такие решения в целом адекватно выразить в своем научном дискурсе. Пожалуй, наиболее интересными и перспективными являются здесь статьи, посвященные воздействию на украинскую словесность Контрреформации и обновленной ею католической культуры, а также — роли Берестейской (Брестской) унии в развитии украинского самосознания и художественного слова: «Берестейская уния и украинская литература XVII века», «Духовность Игнатия Лойолы и барочная риторическая культура Украины», «Литературное наследие св. Терезы Авильской в рецепции православной книжности» и некоторые другие. В них исследователь не только смог (хотя и не без полемических заострений) охарактеризовать положительные результаты усвоения украинской культурой раннего Нового времени католических влияний, но и, что кажется очень интересным, вписать некоторые ее явления в общеевропейский контекст. В данном отношении весьма плодотворной кажется его мысль о православной Контрреформации, развитая в таких работах, как «Православная Контрреформация и развитие барочной культуры Украины» или «“Exegesis” Сильвестра Коссова (1635): манифест Киево-Могилянской Контрреформации». Не менее яркой является статья несколько иного плана — «Иван Вишенский и Львовское братство: литературные аспекты диалога», где благодаря расширению горизонта исследования и изменению его основного ракурса предлагается весьма оригинальная характеристика творчества Ивана Вишенского как литератора барочного толка.

Не только общность исследовательских установок (на отдельный текст) и преимущественный интерес к церковно-религиозному контексту анализируемых произведений делают рецензируемую книгу не собранием отдельных статей, а своего рода монографией, пусть и фрагментарной, так сказать — пунктирной. В ней есть целостность и совсем иного рода, о которой выше уже упоминалось: «Духовные измерения барочного текста» как бы продолжают ту барочную литературу, которая в них изучается. Точнее сказать, не барочную литературу как совокупность текстов, а барочную литературную культуру со стоящим в ее центре типом автора. Действительно, не стилистической атмосферой книга арх. Игоря (Исиченко) приближается к предмету собственного исследования; к ней никак нельзя приложить слова А. В. Михайлова: «слово теории оказывается в глубоком родстве со словом самой поэзии»⁴. Нет, не слово теоретическое соприкасается здесь со словом литературным, но автор-филолог культурным своим обликом обнаруживает самое глубинное родство с литераторами, о которых он пишет: как культурное явление арх. Игорь очень близко стоит к украинским писателям раннего Нового времени. Филолог (а те были риториками и грамматиками), богослов и историк церкви⁵, церковный деятель — архиерей поместной православной церкви, а значит, и проповедник, он своими трудами как бы свидетельствует о продолжающейся жизни барочной культуры в современной уже Украине, о том долгом эхе, которое она породила. И это, может быть, лучше, нежели ученые аргументы, способствует актуальности его сочинений, в частности наделяет впечатляющей силой последний раздел книги — «Барочный текст в современном дискурсе».

И эта же, возможно наиболее характерная и яркая, черта «Духовных измерений барочного текста» определяет ее, как думается, главный научный недостаток; кстати сказать, и этим вновь вызывая ассоциацию с миром барокко, в котором сила нередко оборачивалась слабостью. В каком-то смысле продолжая барокко и демонстрируя его продуктивность в наше время, арх. Игорь (Исиченко) делает и обратный ход: накладывает современные культурные, духовные, геополитические проблемы на изучаемый материал. В результате происходит неоправданная в ряде случаев модернизация; в качестве примера можно указать на чересчур злободневную интерпретацию межнациональных взаимоотношений внутри славянского мира XVI–XVIII веков.

⁴ Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 17.

⁵ Арх. Игорю (Исиченко), в частности, принадлежат такие труды по церковной истории, как «Общая церковная история» (Харьков, 2001), «История Христовой церкви в Украине» (Харьков, 2003).

Эти взаимоотношения были крайне далеки от идиллических, но возникающие противоречия требуют осмысления вне того понимания нации и национальных интересов, которые сложились в романтическую эпоху и унаследованы нашим сознанием. А именно такой, современный, подход к этому кругу проблем доминирует в целом в рецензируемой книге.

Похожее сожаление можно адресовать и предлагаемому в ней оценкам Берестейской (Брестской) унии. Арх. Игорь сосредоточивается в первую очередь на позитивных ее культурных последствиях, и это вполне оправдано хотя бы тем, что негативные стороны этого события в восточнославянской науке (как русской, так и украинской) описывались многократно и не без преувеличения. Однако под его пером возникает тоже несколько упрощенная картина, только с обратным знаком: картина чисто положительная, в которой почти не остается места для конфликтов и противоречий. В известном отношении такое осмысление крайне сложных и напряженно диалогических, причем с трагическими обертонами (на филологическом языке М. М. Бахтина — романских, а никак не идиллических), межконфессиональных взаимодействий на Украине эпохи принятия и первоначального распространения унии по сути зеркально по отношению к доминировавшему прежде и далеко не во всем объективно. Оно во многом продиктовано злобой сегодняшнего дня.

Все это, как только что было отмечено, суть результаты внутренней близости «Духовных измерений барочного текста» и их автора предмету научного исследования, близости, в чем-то крайне существенно сокращающей между ними историческую дистанцию и, тем самым, трансформирующей аналитическую перспективу. Следствием этого являются многие достоинства книги, равно как и те ее недостатки (впрочем, скорее, и не недостатки, а специфические черты), о которых сейчас идет речь. К ним можно отнести, сверх только что написанного, и фактическое игнорирование русских работ о литературе восточнославянского барокко — имею в виду, например, работы А. М. Панченко, Л. И. Сазоновой, Л. А. Софроновой; первый вообще не упомянут в книге, так же как и основные труды двух последних. Подобная позиция сегодня понятна и легко объяснима, более того, она естественна. Но вряд ли можно считать ее перспективной *sub specie philologiae*; ведь ряд положений арх. Игоря (Исиченко) прямо опирается именно на эти труды, например на замечательную статью Л. А. Софроновой «Принцип отражения в поэтике барокко»⁶; выразительным примером может послужить, в частности, работа «Мистическая перспектива литературного текста в культуре украинского барокко» из первого раздела рецензируемой книги. Здесь, конечно же, нет ни сознательного умысла, ни, тем более, желания замолчать достижения предшественников: перед нами след все того же тесного соприкосновения ученого со своим объектом, своего рода их взаимопроникновения, которое заряжает научную книгу энергией барочного произведения. В том числе — и его противоречивостью. И это следует только приветствовать, памятуя гегелевское слово о противоречии как критерии истины.

Для цитирования: Бухаркин П. Е. Мир украинского барокко. Рецензия на кн.: Игорь (Ісиченко), архиепископ. Духовні виміри барокового тексту: Літературознавчі дослідження. Харків: Акта, 2016. 592 с. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 500–503. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.318.

For citation: Buharkin P. E. World of Ukrainian Baroque. Book Review: Archbishop Igor Isichenko. Spiritual Approach to Baroque Texts: Literature Studies. Kharkov: Akta Publ., 2016. 592 p. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 500–503. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.318.

Статья поступила в редакцию 23 января 2017 г.
Статья рекомендована в печать 30 января 2017 г.

⁶ Софронова Л. А. Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 78–101. Данную статью арх. Игорь (Исиченко) прекрасно знает, о чем свидетельствует следующий пассаж из предисловия ко 2-му изданию его монографии о рецензии «Киево-Печерского патерика»: «Сборники „Славянское барокко“ (1979) и „Барокко в славянских культурах“ (1982)... стали для меня ориентирами в поисках новых подходов к нашим текстам раннего Нового времени» (Игорь (Ісиченко), арх. Киево-Печерский патерик у літературному процесі... С. 8).